

Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг.*

Е.В. Логинов

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

Статья представляет собой анализ дискуссии об универсализуемости, которая имела место в моральной философии в 1970–1980-х гг. Я вижу две основные проблемы, которые привлекли больше внимания, чем другие. Первая проблема состоит в прояснении связи универсализуемости и обобщения. М.Д. Сингер отстаивал аргумент обобщения, а Р.М. Хэар защищал тезис универсализуемости. Хэар пытался опровергнуть позицию Сингера, используя методы философии обыденного языка, и утверждал, что в этике обобщение бесполезно и вводит в заблуждение. Я рассмотрел защиту Сингера и пришел к выводу, что он был прав, и Хэар ошибался. Следовательно, аргумент обобщения лучше выражает связь универсальности и морали, чем учение Хэара об универсализуемости, а значит, всеобщность моральных принципов не противоречит существованию исключений. Вторая проблема состоит в фундировании применения категорического императива в теории релевантных описаний действий и в точном понимании разницы между максимами и тем, что максимами не является. В работе «Обобщение в этике» Сингер обратил внимание на эту тему, и философы предложили разные подходы к решению этой проблемы. Я описываю идеи Г.Д. Патона, Н. Поттера, О. О’Нил и М. Тиммонса. Патон выдвинул теорию телеологического закона. Согласно Поттеру, обобщенный каузальный критерий является лучшим критерием релевантности описания действий. О’Нил предложила теорию несогласованности намерений. Тиммонс защищал каузально-номологическую теорию. Я пришел к выводу, что телеологическая и каузально-номологическая теории не могут решить проблему релевантного описания действий, а обобщенный каузальный критерий и теория несогласованности намерений имеют свои ограничения. Из этого я заключил, что указанные подходы не могут быть основанием для прояснения связи между универсальностью и моралью, в отличие от подхода Сингера, которому, следовательно, лучше других удалось прояснить природу феномена универсальности в морали.

Ключевые слова: обобщение, этика, категорический императив, универсализуемость, Сингер, Хэар, Кант, Поттер, Тиммонс, О’Нил.

* Статья подготовлена в рамках проектного исследования «Феномен универсальности в морали», осуществляемого при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), грант № 18-18-00068.

Логинов Евгений Владимирович – кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

loginovlosmar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9883-1854>

Цитирование: *Логинов Е.В.* (2018) Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. № 10. С. 65–80.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy in the 1970–1980s: An Analysis*

E.V. Loginov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

Original research paper

Summary

In this paper, I analyzed the discussion on the principle of universalizability which took place in moral philosophy in 1970–1980s. In short, I see two main problems that attracted more attention than others. The first problem is an opposition of universalizability and generalization. M.G. Singer argued for generalization argument, and R.M. Hare defended universalizability thesis. Hare tried to refute Singer's position, using methods of ordinary language philosophy, and claimed that in ethics generalization is useless and misleading. I've examined Singer's defense and concluded that he was right and Hare was mistaken. Consequently, generalization argument is better in clarification of the relationship between universality and morality than Hare's doctrine of universalizability, and hence the universality of moral principles is not incompatible with the existence of exclusions. The second problem is the substantiation of the application of categorical imperative in the theory of relevant act descriptions and accurate understanding of the difference between maxims and non-maxims. In *Generalization in Ethics*, Singer drew attention to this theme and philosophers have proposed some suggestions to solve this problem. I describe ideas of H. J. Paton, H. Potter, O. O'Neill and M. Timmons. Paton coined the teleological-law theory. According to Potter, the best criterion for the relevant act descriptions is causal one. O'Neill suggested the inconsistency-of-intention theory. Timmons defended the causal-law theory. My claim is that the teleological-law theory and the causal-law

* The paper has been developed within the research project "The Phenomenon of Moral Universality," supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00068.

theory fail to solve the relevant act descriptions problem and the causal criterion and the inconsistency-of-intention theory have their limits. From this, I conclude that these approaches cannot be the basis for clarifying the connection between universality and morality, in contrast to Singer's approach, which, therefore, is better than others to clarify the nature of universality in morality.

Keywords: generalization, ethics, categorical imperative, universalizability, Singer, Hare, Kant, Potter, Timmons, O'Neill.

Eugeny Loginov – Ph.D. in Philosophy, Junior Research Fellow at the Department of the History of Foreign Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

loginovlosmar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-9883-1854>

Citation: Loginov E.V. (2018) The Discussion on the Principle of Universalizability in Moral Philosophy in the 1970–1980s: An Analysis. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 10, pp. 65–80.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-10-65-80

Введение

Задачей этой статьи является анализ основных аргументов, представленных в дискуссиях об универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. Эти дискуссии восходят к началу 1950-х годов, и обычно считается, что интерес к универсализуемости был определен статьей Р.М. Хэара [Hare 1954/5; Potter, Timmons 1985, ix; Апресян 2016]. В то же время М. Сингер выступил со своим проектом логики этики [Singer 1955; Singer 1961]. Именно спор Хэара и Сингера был важной частью интересующих нас дискуссий 1970–80-х гг. Этим дискуссии не исчерпываются: вторым важным направлением были исследования применения категорического императива. Я начну с разбора аргументов Сингера и Хэара, а потом перейду к обсуждению теорий, связывающих мораль и универсальность в кантовском духе.

1. Логика этики Сингера и критика Хэара

1.1. Аргумент обобщения и его недостатки, указанные Хэаром

Теория Сингера есть последовательное раскрытие и обоснование аргумента обобщения. Это одновременно и моральный принцип и метод оправдания (justification) моральных суждений. Каждое из них должно пройти через следующие стадии. Первая стадия: проверка принципом последствий, гласящим, что если *A* совершит действие *B* и последствия этого будут нежелательны, то *A* должен отказаться от совершения *B*. На втором этапе принцип

последствий обобщается в аргумент последствий: если каждый совершит *B* и последствия будут нежелательны, то каждый должен отказаться от совершения *B*. На третьем этапе в дело вступает принцип обобщения: если не все должны действовать определенным образом или быть рассматриваемы определенным образом, тогда никто не должен действовать этим образом или быть рассмотрен таким образом без особой причины. Иными словами, то, что верно (или неверно) для одной личности должно быть верно (или неверно) для любой релевантно подобной личности в любых релевантно подобных обстоятельствах. Скажем, если некто требует исключительного к себе отношения потому, что он потомок некоего рода, то потомки любых родов могут требовать к себе того же отношения, пока не доказано обратного. Примером правильного исключения может быть такое: с безногого деятеля снимается обязанность помогать тонущему, и это справедливо для всех безногих. Именно такие случаи я и буду далее иметь в виду, говоря об исключениях.

Есть еще два ограничения на обобщаемые максимы. Во-первых, они не должны быть обратимы. Если из совершения *A* следуют нежелательные последствия, и если из воздержания от совершения *A* следуют нежелательные последствия, то *A* обратимо. Такие суждения нельзя рассматривать с помощью аргумента обобщения. Во-вторых, они не должны быть повторяемы. Например, если все будет посещать один ресторан, то там будет негде сесть, и это нежелательно. Но в указании именно на этот ресторан нет ничего морально важного; это верно для любого ресторана. В конечном счете отсюда следует, что никуда нельзя будет прийти, что абсурдно. Таким образом, максимы не должны содержать лишние подробности.

Как только книга Сингера увидела свет, Хэар откликнулся рецензией [Hare 1962] и даже успел вставить упоминание Сингера в одно из примечаний своей уже готовой книги «Свобода и разум» [Hare 1963, 138]. Главной ошибкой теории Сингера Хэар считает упомянутое нами выражение «без особой причины». Британский философ полагает, что добавление этой фразы делает моральные правила пустыми. Ограничения на обратимость и повторяемость он считает гипотезами *ad hoc*. Сингер учитывает это возражение [Singer 1961, 72, 76]. Он объясняет природу феномена обратимости тем, что многие действия сами по себе просто не определены в моральном отношении. Само по себе строительство домов, например, морально нейтрально, поэтому максима «*A* должен строить дома» будет обратима.

Требование неповторяемости Хэар считает осмысленным только в том случае, если оно эквивалентно собственному хэаровскому

требованию об исключении единичных терминов из формулировок моральных правил. Не обнаружив в книге обсуждения различия единичных и общих терминов, Хэар остался неудовлетворен этим аспектом сингеровской теории. Это неудивительно, так как требование неповторяемости содержательно, а не формально. Хэар предлагает заменить слово «этот» в примере про ресторан на некий общий термин, утверждая, что тогда аргумент будет неповторяем. Но это не так. «Если все будут ходить в рестораны, которыми владеют турки, то последствия этого будут нежелательны, следовательно, каждый должен воздерживаться от посещения таких ресторанов». Но без дополнительного обоснования «турки» тут ничем не лучше других групп людей, аргумент все еще повторяем.

Свою критику Хэар разворачивает и в опубликованной лекции «Принципы» [Nare 1972], а в «Свободе и разуме» содержится немало уточнений позиций Хэара относительно соотношения универсализуемости и обобщения. Целью его пояснений является проведение различий между «обобщением» и «общим» с одной стороны и «универсализацией» и «универсальным» с другой стороны. Тут он опирается в основном на этимологию и анализ обыденного языка. Противоположностью «общего» является «конкретное» («specific»), а универсальные суждения не содержат единичных терминов, и потому «универсальное» противоположно «единичному». Другим важным различием является градуальный характер общности (она может быть большей или меньшей) и неградуальный характер универсальности (она либо есть, либо ее нет). Ответ Сингера мы находим в статье [Singer 1985].

1.2. Ответ Сингера на критику Хэара

Сингер в целом согласен, что можно употреблять термины и таким образом. Главное, не стоит делать из этого таких уж радикальных выводов, в том числе не стоит запрещать употреблять их иным разумным образом. Так, термин «частный» (particular) является антонимом как «универсального», так и «общего». И правила или принципы, являясь общими, также могут быть и конкретными. Это последнее утверждение Сингер не поясняет, но в целом ясно, что имеется в виду. Так, принцип «не лги без веской причины», являясь общим, также и конкретен: он регулирует только ложь, но, например, не правила спортивной гребли. Сингер также согласен, что у общего могут быть степени, тогда как у универсального – нет. Но это различие ничего не значит, кроме того, что для этических целей «общее» подходит больше, так как для этики важны исключения. Сингер полагает, что мотив Хэара предпочесть скорее «универсальное», чем

«общее» заключается в том, что «общее» кажется ему синонимом «неопределенного». Но это не так. «Общее» вполне может быть также и «точным» (precise). Это положение тоже никак не доказывается, но понимать его нужно, видимо, по аналогии с предыдущим.

Сингер не ограничивается обороной проекта. Он выдвигает против Хэара ряд аргументов. Так, он видит противоречие в том, что Хэар отрицает универсализуемость правовых суждений и признает универсализуемость любых описательных суждений. Основанием этого для Хэара является тот факт, что в случае законов невозможно устранить отсылку к конкретной стране, которая выражается именем собственным. Сингер вполне справедливо замечает, что устранить ее можно: суждение «В Англии незаконно жениться на своей сестре» превращается в суждение «В любой стране, такой как Англия, незаконно жениться на своей сестре». То же касается попытки Хэара отделить суждения о долге от суждений о желаниях. Первые, согласно его мысли, проходят тест на универсализуемость, а вторые – нет. Но при этом вторые тоже содержат описание. Если он допускает, что суждения «Это красное» можно универсализировать до «Все, подобное этому в релевантных аспектах, красное», то почему суждение «Это желаемо» нельзя универсализировать таким же образом? Сингер тут опять не раскрывает деталей своего довода, но их вполне можно домыслить. Хэар понимает тест на универсализуемость формально, и ничто не мешает сформулировать такое суждение: «Все, подобное этому в релевантных аспектах, желаемо».

Мне представляется, что подмеченное Хэаром превращение единичных суждений в общие ни о чем не говорит. Верно, что предикат «красное» одновременно является способом отнесения объекта к классу красных вещей. Но также верно, что общие суждение типа «все красные объекты суть красные» означает, что «существует объект X , и он красный». А это значит, что факт того, что от единичных суждений иногда можно переходить к общим, Хэар подменил тезисом об универсализуемости как особым логическом свойстве определенного класса суждений.

Хэаровская критика идей «Обобщения в этике» меня не убедила, а вот доводы Сингера представляются мне верными, что я и постарался показать выше. Образ морали, который рисует Хэар, одновременно ригористический (т.к. универсальные суждения не допускают исключений) (1) и волюнтаристский (т.к. универсализуемость есть лишь общий формальный критерий моральных суждений, содержание которых зависит от воли субъекта), потому уступает сингеровскому видению морали как рационального поведения согласно указанным принципам.

2. Теории применимости категорического императива

Спор Хэара и Сингера стал одной из причин повышения интереса к этике Канта. В интербеллум и в первое послевоенное десятилетие учение кенигсбергского философа особой благосклонностью академических мыслителей не пользовалось. Позитивисты, эмотивисты, интуитивисты и большинство учеников Витгенштейна вряд ли бы записались в общество друзей категорического императива. Однако в 1950-е гг. облик философии в целом начинает меняться. Идеология логического позитивизма рушится под аргументами У.В.О. Куайна (см. [Timmons 1998, 25]). Кроме пионера натуралистической революции в то время в Гарварде работал Дж. Ролз, человек, который вскоре изменит политическую философию. Примерно тогда же в Миннесоте У. Селларс формулирует аргумент против мифа о данных. В Оксфорде П. Стросон работает над книгой «Индивиды», восстанавливая в правах трансцендентальную аргументацию. Благодаря Селларсу, Стросону и Ролзу рассуждения в духе Канта становятся мейнстримом аналитической философии. Г.Д. Патон, Сингер, Хэар делают ту же работу в отношении этики. Их идеи открывают дорогу таким авторам как О. О'Нил, Н. Поттер, М. Тиммонс и другие. Таким образом, в 1970-х гг. идеи Канта снова оказываются в центре внимания.

В 1985 г. под редакцией Поттера и Тиммонса выходит сборник статей «Мораль и универсальность» [Potter, Timmons 1985 (Eds.)], суммирующий некоторые разработки в данной области. Интересную особенность этой книги верно подметил один из ее рецензентов: многие статьи сборника содержат критику идей Хэара, но нет никого, кто бы их защищал, в частности, нет статьи самого Хэара, хотя, согласно указателю имен, Хэар – самый часто упоминаемый в сборнике автор [Gensler 1989, 557].

2.1. Подход Патона и теория максимы Сингера

Если мы не умеем отличать правильно составленную максиму от неправильной, то под категорический императив можно подводить какие угодно суждения. Тогда этот тест будет выдавать взаимоисключающие предписания, что делает его, конечно, бесполезным. Сам Кант определяет максиму как субъективный принцип действия, который деятель формулирует самостоятельно [Кант 1997, 81, 143]. Но этого, разумеется, недостаточно. Цельную теорию максимы он не излагает, ее нужно реконструировать. Одна из таких реконструкций была предложена Патоном [Paton 1958, 150–152]. Он увязал составление максим с телеологией: универсализованная максима должна быть телеологическим законом природы и не противоречить другим телеологическим законам природы. Более подробное рассмотрение этого решения я вынуж-

ден оставить за скобками, так как предмет этой статьи ограничен хронологически. Достаточно сказать, что указанное решение не было принято другими участниками дискуссий; они полагали, что решение Патона не полностью соответствует букве кантовских сочинений и к тому же влечет слишком тяжелые онтологические обязательства, связанные с телеологией [Potter 1973].

Обсуждение проблемы составления максим мы находим и у Сингера [Singer 1961, 243–249]. Сингер считал, что сказать, что кто-то действует согласно некоторой максиме, значит сказать, что он действует с некоторой целью, и конкретизировать максиму значит конкретизировать цель действия; слово «максима» можно поменять на слово «намерение». Сингер также специально оговаривает, что далеко не каждое действие является результатом применения некоторой сознательно и свободно принятой максимы, ведь противоположное утверждение ведет к моральному догматизму. Теория о том, что каждая максима является результатом свободного выбора, имеет смысл в рамках кантовского либертарианства в отношении свободы воли, но если мы с подозрением относимся к такой метафизике, то действительно сложно принять и такую этику. Настаивая на том, что не каждая максима должна быть осознана и проявлена до действия, Сингер, тем не менее, не дает собственного критерия релевантности максимы. Таковые предложили Поттер и О’Нил.

2.2. Каузальный критерий Поттера

Поттер считал, что успешное применение категорического императива в конкретных ситуациях выглядит как приведение аргументов, одна из посылок которых является моральной (собственно сам категорический императив), а другие посылки являются истинными эмпирическими суждениями [Potter 1975]. Следствием такого аргумента будет суждение о моральной приемлемости или неприемлемости рассматриваемого действия. Чтобы понять правило формулирования максимы, Поттер предлагает присмотреться к тому, как возникает противоречие в случае, когда мы универсализируем максиму, которая ведет к нарушению совершенных обязанностей. Между чем и чем возникает противоречие, скажем, в примере с ложью ради денег? Оно возникает между каузальным убеждением, которое предполагается самой максимой «Лги, если тебе нужны деньги», и результатом универсализации этой максимы до всеобщего закона: первое предполагает, что лгать будет эффективно, а универсализация исключает такую объективность. То есть принятие максимы предполагает, что деятель обладает эмпирическим знанием о том, что предполагаемое действие будет причиной события, которое деятель

полагает целью этого действия. В чистом виде такое рассуждение предполагает, что деятель владеет всей морально релевантной информацией о ситуации. Работает это так:

1. «Дай ложное обещание, если это принесет тебе необходимые деньги» – исследуемая максима.

2. «Если я дам ложное обещание в этих обстоятельствах, то получу деньги, которые мне нужны» – каузальное суждение, следующее из максимы (п. 1).

3. «Если все примут (п. 1), то в результате деятель не сможет получить деньги в этих обстоятельствах» – это эмпирическая посылка, обобщающая (п. 1).

4. (п. 2) и (п. 3) находятся в противоречии.

5. Максима, чей предполагаемый результат противоречит результату обобщения этой максимы, не может быть всеобщим законом.

6. «Каждый должен действовать только на основании максим, которые могут стать всеобщими законами» – категорический императив.

7. Все должны отказаться от действий согласно максиме (п. 1).

Интересное наблюдение Поттера состоит в том, что (п. 3) является эмпирической посылкой, а потому и оспаривать ее можно, ссылаясь на факты (скажем, социологические и антропологические данные). В этом рассуждении уже содержится указание на то, как должны формулироваться максимы. Максима должна удовлетворять обобщенному каузальному критерию релевантности, т.е. указывать, какие каузальные суждения следуют из некоего типа действий. Эти суждения должны быть законообразны, выражать связь между действием и его целью, причем действие должно быть достаточным условием достижения цели. Стоит формулировать так, чтобы цель была как можно ближе к действию, а каузальная связь не была слишком сложной.

2.3. Теория несогласованности намерений О'Нил

Другой подход был развит О'Нил. Она училась в Оксфорде у Энском, диссертацию по теме «Универсализуемость» защищала в Гарварде под руководством Ролза (1968). При изложении идей О'Нил я буду опираться на статью «Непротиворечивость в действии» [O'Neill 1985]. Теорию О'Нил можно назвать теорией несогласованности намерений. Развивая идеи Канта, она пытается показать, что требование учета последствий действий вовсе не влечет ни утилитаризм, ни гетерономную этику, к коей она относит теории Хэара, Сингера и этику золотого правила. Автономную этику можно построить, если следовать категориче-

скому императиву, ведь это правило не упоминает ничего, что не было бы доступно воле деятеля: формулировка категорического императива содержит фразу «можешь пожелать» (*wollen kannst*), а не просто «желать». То есть речь идет лишь о логической непротиворечивости между максимой и ее универсальной формой, а не о реальном желании. Максима не обязана быть осознаваемой, но все же нет действия без максимы. Максимы – это намерения (интенции), которые лежат в основе действий и контролируют их. Относительно проблемы действительной ограниченности знания деятеля о ситуации, в которой он находится, О’Нил замечает, что тест на универсализуемость используется реальными деятелями, а не всезнающими моральными наблюдателями, так как именно деятели могут иметь, менять и отказываться от намерений.

Строго говоря, противоречия могут возникать и без всякой универсализации. Такие противоречия бывают двух видов: концептуальные (*conceptual*) и волеизъявляющие (*volitional*). Первый вид противоречия возникает внутри самой максимы (например, если она выражает невозможное стремление, скажем, «самостоятельно добиться успеха, не прилагая при этом усилий»), второй – между конкретными намерениями, которые лежат в основе максимы, или между максимой и намерениями. Второй вид противоречия связан с нарушением одного или нескольких принципов рационального намерения; всего их пять, но для наших целей достаточно одного, принципа намерения будущих результатов: ожидаемые результаты действий на основании намерений, подчиненных главному намерению всего действия, не должны противоречить самому этому намерению (ср. [Кант 1997, 131]). Примером такого противоречия является запрет оперировать ребенка на основании заботы о его здоровье в том случае, когда операция точно спасет ему жизнь.

В случае универсализации этим двум типам соответствуют (2) противоречие в мышлении (*contradiction in conception*) и противоречие в желании (*contradiction in the will*). Первый связан с невозможностью мыслить максиму как всеобщий закон, второй – с невозможностью желать, чтобы она стала таковой. Так, максима «Если человек не согласен с тобой, принуждай его к согласию силой» не может быть мыслима как всеобщий закон. Если бы каждый принуждал каждого, кто с ним не согласен, то сам деятель, рассматривающий эту максиму, был бы в согласии с ней принуждаем теми, с кем он не согласен. Тогда деятель был бы и согласен с волей другого (как принуждаемый), и не согласен с ней (как принуждающий).

Противоречие в желании связано с принципами рационального намерения. Такое противоречие можно наблюдать в случае максимы своекорыстия. Мы можем непротиворечиво помыслить мир,

в котором никто никому не помогает, но в таком мире и нам в случае нужды никто не поможет, а мы, случись несчастье, хотели бы получить помощь [Kant 1797, 124]. Другой пример: максима «я хочу поправить свое экономическое положение» не может быть универсализована, если единственным подлежащим ей намерением будет «выиграть конкуренцию с другими участниками рынка». Так как рынок – это система с победителями и проигравшими, я не могу пожелать, чтобы все были победителями. Эта максима может быть универсализована, только если она включает намерение увеличить производство продукции или улучшить ее качество. Таким образом, заключает О’Нил, пусть и разными путями, но все же противоречие обнаруживается во всех максимах, нарушающих требования долга. Ключевым для понимания теории О’Нил является требование рассматривать максиму и ее универсализацию одновременно, т.е. нужно понять, не возникает ли противоречие, если мы придерживаемся максимы и ее универсализации в одно и то же время в одном и том же смысле.

2.4. Тиммонс: критика теории О’Нил и каузально-номологический подход

Интересная критика теории О’Нил была высказана М. Тиммонсом [Timmons 1984]. Контрпример Тиммонса таков. Представим ситуацию, когда *A* и *B* готовятся к состязанию. Оба они намерены победить. Но *A* намного сильнее *B*, что известно им обоим. Если применить принцип намерения будущих результатов, то получится, что *B* собирается проиграть, ведь его поражение является предсказуемым. И хотя Тиммонс согласен, что часто принцип намерения будущих результатов верен, наличие таких случаев исключает его универсальную применимость.

Сам Тиммонс предлагает каузально-номологическую интерпретацию категорического императива (*causal-law theory*). Опираясь на вторую версию первой формулировки категорического императива – формулу закона природы [Кант 1997, 145] – и некоторые другие места из сочинений Канта, он пытается показать, что универсализировать максиму означает представить ее в качестве естественного закона. Например, в случае максимы «Лги, когда тебе это выгодно», каузальным психологическим законом будет выглядеть «Всякий будет лгать, когда это ему выгодно». Но другие законы социологии и психологии, говорит Тиммонс, сделают так, что действие этого закона станет невозможным: всеобщая ложь во имя наживы сделает каждого подозрительным, и солгать будет невозможно. Он также дает свой ответ на проблему действительной ограниченности знания деятеля о ситуации, в которой он на-

ходится. Тиммонс считает, что категорический императив лучше всего использовать, находясь в идеальной эпистемологической позиции, а для обычных деятелей остается лишь надеяться на научный прогресс и рост знаний, которые, следовательно, будут сопровождаться прогрессом моральным.

Что могла бы О'Нил ответить на такую критику? Полагаю, что она могла бы сказать, что сама по себе максима со специальным намерением «победить противника» не пройдет универсализацию на тех же основаниях, на которых не пройдет их намерение улучшить свое экономическое положение за счет одной лишь конкуренции (см. похожий пример о соревновательных видах спорта [O'Neill 1985, 181]). Видимо, универсализацию пройдет иная максима: «пусть победит сильнейший» или «я хочу показать все, чему я научился на тренировках». То есть результат, который предсказывает и которого намеревается достичь *B*, – это не поражение, а победа сильнейшего или достойное выступление. Максима – «выиграть соревнование», а специальное намерение этой максимы – «постараться показать свой лучший бой». Это отличается от ситуации, где специальным намерением мыслится «победить противника».

Каузально-номологическая теория кажется мне еще более неудачной, чем критика теории несогласованности намерений. Исключив намерения, Тиммонс не просто убрал возможность понять множество пассажей Канта, но и возможность обнаруживать противоречия, которые открывает теория О'Нил. Если «Всякий будет лгать, когда это ему выгодно» мыслить как всеобщий психологический каузальный закон, то ничто не мешает ему существовать даже в мире, где лгать невозможно. Просто население этого мира постоянно будет фрустрировано.

2.5. Противоречие и повреждение:

проблемы теорий применения категорического императива

Ни одна из рассмотренных теорий применения категорического императива, на мой взгляд, неполна: я не уверен, что каждая из них может в каждом случае нарушения долга указать на явное противоречие. Общей проблемой указанных подходов я считаю непроясненность природы противоречия как такового. Если мы посмотрим, как понималось противоречие создателем логики, то увидим, что определение противоречия исключает возможность описать некоторые приведенные выше примеры как противоречия: «Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле [...]» (1005b19–20) [Аристотель 1934, 63]. Если это так, то вполне возможно, что в случае явно аморального действия каузальное убеждение или

намерение, сказывающиеся в партикулярном смысле, будут не противоречить каузальным убеждениям или намерениям, которые сказываются во всеобщем смысле.

В парадигмальных случаях теории Поттера и О'Нил работают, так как в них есть условие одновременного рассмотрения максимы и ее универсализации. Из максимы «лги» следует, что должен существовать институт доверия (как необходимое условие действия или как объект специального намерения), из универсализации этой максимы следует, что института доверия нет; и это – противоречие. Но так происходит вовсе не всегда. Случай О'Нил со своекорыстием кажется мне показательным. Представим человека, который согласится с тем, что ему самому не будет оказана помощь. Случай с соревнованием очень интересен, и выводы О'Нил соответствует моему собственному опыту, но что, если изменить ситуацию, сближая ее со случаем максимы принуждения, но все же не доводя до него? Представим себе максиму «Наноси другому физические повреждения, если тебе это выгодно». «Выгода» может тут пониматься по-разному. Например, специальным намерением может быть «получить психологическую разрядку». Фраза «наносить повреждения» вовсе не означает, что это делается вопреки воле того, кому эти повреждения наносят: случаи спортивной тренировки и врачебного вмешательства дают достаточно материала для такого вывода. Нет аналитической связи между «нанесением повреждений» и «принуждением». Значит, эту максиму вполне можно универсализировать. Если деятель согласен, что любой человек ради своей выгоды может нанести ему физические повреждения, согласен, что каждый, кому нужна психологическая разрядка, сможет нанести ему телесные повреждения, что ж, пусть будет так. Тут нет противоречия. Мне не удалось обнаружить изъяна в этом рассуждении. Если оно верно, то это контрпарадигмальный пример для рассмотренных теорий. Наличие такого рода примеров фальсифицирует эти подходы. Следовательно, они не могут быть основанием для прояснения связи между универсальностью и моралью.

Контрпример с принуждением, однако, совершенно безопасен для теории Сингера. Аргумент обобщения тоже работает с переходом от частного к общему, но он делает это без понятия «противоречие». Сингер основывает этот переход на принципе обобщения и уподобляет его роль в этическом рассуждении роли каузальных законов в суждении о поведении материальных объектов. В общем случае переход от единичного к общему является логической ошибкой, но так не происходит, если переход опосредован законом. «Самолет упал, потому что отвалились крылья» можно обобщить до «Любой самолет упадет, если у него отвалятся крылья» за счет

того, что условная связь тут выражает закон природы, согласно которому самолеты, потерпевшие такого рода аварию, всегда падают [Singer 1961, 37]. Упор на законосообразный переход от единичного к общему не имеет недостатков хэаровского подхода, ориентированного на наличие в суждении общих терминов, и не сталкивается с трудностями, которых не могут избежать подходы, ориентированные на противоречие...

Заключение

Дискуссии об универсализуемости в моральной философии 1970–1980 гг. характеризуются завершением спора Хэара и Сингера. Итогом стало закрепление представления о том, что процедура обобщения является одним из возможных способов выразить отношение между моралью и универсальностью, способом, который, по меньшей мере, не хуже, чем теория универсализуемости Хэара. Этот спор индуцировал интерес к этике Канта и стимулировал развитие теорий применения категорического императива, подходов, методологически ориентированных на анализ логических отношений между максимой и ее универсальной формой. Выше я показал, что ключевой термин этих подходов – «противоречие» – часто понимается неточно, что ведет к неприятным для моральной философии последствиям. Этого недостатка лишена теория Сингера. Поэтому среди рассмотренных подходов она представляется наиболее точно выражающей отношение между моралью и универсальностью.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Более позднюю теорию Хэара можно интерпретировать в том ключе, допускающем исключения [Nare 1981].

(2) Сама О'Нил не всегда последовательно различает эти две пары терминов. Вводя их, она эксплицитно обозначает, что каждая из пар обозначает явления, существующие на своем уровне рассуждения (до универсализации и непосредственно при универсализации). Однако затем она иногда говорит, например, о волеизъявляющих противоречиях на уровне универсализации. Иными словами, различие между парами терминов не носит существенного характера.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Апресян 2016 – *Апресян Р.Г.* Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 79–88.

Аристотель 1934 – *Аристотель.* Метафизика / Пер. и прим. А.В. Кубицкого. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934.

Кант 1997 – *Кант И.* Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Собр. соч. на нем. и рус. яз / Под. ред. Б. Тушлинга и Н.В. Мотрошиловой.

В 5 т. (1994–2014). Т. 3 / Подг. Соловьевым и А. Судаковым, Б. Тушлингом и У. Фогелем. – М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–275.

Gensler 1989 – *Gensler H.J.* Review: Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability / Ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985 // *Нобис*. 1989. Vol. 23. No. 4. P. 555–557.

Hare 1954/5 – *Hare R.M.* Universalizability // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954/5. Vol. 55. No.1. P. 295–312.

Hare 1962 – *Hare R.M.* Review: *Singer M.G.* Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1961 // *The Philosophical Quarterly*. 1962. Vol.12. No. 49. P. 351–355.

Hare 1963 – *Hare R.M.* Freedom and Reason. Oxford: Oxford University Press, 1963.

Hare 1972 – *Hare R.M.* The Presidential Address: Principles // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1972–1973. Vol. 73. No. 1. P. 1–18.

Hare 1981 – *Hare R.M.* Moral Thinking: Its Levels, Method and Point. – Oxford: Clarendon Press, 1981.

Kant 1797 – *Kant I.* Die Metaphysik der Sitten in zwei Teilen. – Künigsberg: bey Friedrich Nicolovius, 1797.

O'Neill 1985 – *O'Neill O.* Consistency in Action // *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / Ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. P. 159–186.

Paton 1958 – *Paton H.J.* The Categorical Imperative. A Study in Kant's Moral Philosophy. Third edition. – L.: Hutchison & Co., 1958.

Potter 1973 – *Potter N.T.* Paton on the Application of the Categorical Imperative // *Kant-Studien*. 1973. Band 64. Heft 3. P. 411–422.

Potter 1975 – *Potter N.T.* How to Apply the Categorical Imperative // *Philosophia*. 1975. Vol. 5. No.4. P. 395–416.

Potter, Timmons 1985 – *Potter N., Timmons M.* Introduction // *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / Ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. P. ix–xxxii.

Potter, Timmons 1985 (Eds.) – *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / Ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985.

Singer 1955 – *Singer M.G.* Generalization in Ethics // *Mind*. 1955. Vol. 64. No. 255. P. 361–375.

Singer 1961 – *Singer M.G.* Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1961.

Singer 1985 – *Singer M.G.* Universalizability and the Generalization Principle // *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* / Ed. by N.T. Potter, M. Timmons. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. P. 45–73.

Timmons 1984 – *Timmons M.* Contradictions and the Categorical Imperative // *Archiv für Geschichte der Philosophie*. 1984. Vol. 66. No. 3. P. 294–312.

Timmons 1998 – *Timmons M.* Morality without Foundations. A Defense of Ethical Contextualism. – N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998.

REFERENCES

Apressyan R.G. (2016) Fenomen universalnosti v etike: formy kontseptualizatsii [The Phenomenon of Universality in Ethics: Forms of Conceptualization]. *Voprosy Filosofii*. 2016. No. 8, pp. 79–88. (in Russian)

Gensler, H.J. (1989) Review: Potter N.T. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co., 1985. *Novis*. Vol. 23, no. 4, pp. 555–557.

Hare, R.M. (1954/5) Universalizability. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 55, no. 1, pp. 295–312.

Hare, R.M. (1962) Review: Singer M.G. Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy. New York: Alfred A. Knopf, 1961. *The Philosophical Quarterly*. Vol. 12, no. 49, pp. 351–355.

Hare R.M. (1963) *Freedom and Reason*. Oxford: Oxford University Press.

Hare R.M. (1972/1973) The Presidential Address: Principles. *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 73, no. 1, pp. 1–18.

Hare R.M. (1981) *Moral Thinking: Its Levels, Method and Point*. Oxford: Clarendon Press.

Kant I. (1797) *Die Metaphysik der Sitten in zwei Teilen*. Königsberg: bey Friedrich Nicolovius.

O'Neill O. (1985) Consistency in Action. In: Potter N.T. & M. Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* (pp. 159–186). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

O'Neill O. (2013) *Acting on principle. An Essay on Kantian Ethics* (2nd ed.). Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Paton H.J. (1958) *The Categorical Imperative. A Study in Kant's Moral Philosophy* (3rd ed.). London: Hutchison & Co.

Potter N.T. (1973) Paton on the Application of the Categorical Imperative. *Kant-Studien*. Vol. 64, no. 3, pp. 411–422.

Potter, N.T. (1975) How to Apply the Categorical Imperative. *Philosophia*. Vol. 5, no. 4, pp. 395–416.

Potter N. & Timmons M. (1985) Introduction. In: Potter N. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* (pp. ix–xxxii). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

Potter N. & Timmons M. (Eds.) (1985) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

Singer M.G. (1955) Generalization in Ethics. *Mind*. Vol. 64, no. 255, pp. 361–375.

Singer M.G. (1961) *Generalization in Ethics. An Essay in the Logic of Ethics, with the Rudiments of a System of Moral Philosophy*. New York: Alfred A. Knopf.

Singer M.G. (1985) Universalizability and the Generalization Principle. In: Potter N. & Timmons M. (Eds.) *Morality and Universality. Essays on Ethical Universalizability* (pp. 45–73). Dordrecht: D. Reidel Publishing Co.

Timmons M. (1984) Contradictions and the Categorical Imperative. *Archiv für Geschichte der Philosophie*. Vol. 66, no. 3, pp. 294–312.

Timmons M. (1998) *Morality without Foundations. A Defense of Ethical Contextualism*. Oxford, UK: Oxford University Press.